



## **А. А. БЕСТУЖЕВ-МАРЛИНСКИЙ**

### **Письмо Александра Александровича Бестужева к императору Николаю Павловичу из Петропавловской крепости**

Ваше Императорское Величество!

Уверенный, что Вы, Государь, любите истину, я беру дерзновение изложить пред Вами исторический ход свободомыслия в России, и вообще многих понятий, составляющих нравственную и политическую часть предприятия 14 декабря. Я буду говорить с полною откровенностью, не скрывая худого, не смягчая даже выражений, ибо долг верноподанного есть говорить Монарху правду без прикраски. Приступаю.

Начало царствования императора Александра было ознаменовано самыми блестящими надеждами для благосостояния России. Дворянство отдохнуло; купечество не жаловалось на кредит, войска служили без труда, ученые учились, чему хотели; все говорили, что думали, и все по многому хорошему ждали еще лучшего. К несчастью обстоятельства до того не допустили, и надежды состарились без исполнения. Неудачная война 1807 г. и другие многостоящие расстроили финансы; но того еще не замечали в приготовлениях к войне отечественной. Наконец Наполеон вторгся в Россию, и тогда-то народ русский впервые ощутил свою силу; тогда-то пробудилось во всех сердцах чувство независимости, сперва политической, а впоследствии и народной. Вот начало свободомыслия в России. Правительство само произнесло слова «свобода, освобождение!», само рассеивало сочинения о злоупотреблении неограниченной власти Наполеона, и клик русского монарха огласил берега Рейна и Сены. Еще война длилась, когда ратники, возвратясь в дома, первые разнесли ропот в классе народа. «Мы проливали кровь, говорили они, а нас опять заставляют потеть на барщине. Мы избавили родину от тирана, а нас опять тиранят господа». Войска от генералов до солдат, пришедши назад, только и толковали, как хорошо в чужих землях. Сравнение со своим естественно произвело вопрос, почему же не так у нас? Сначала, покуда говорили о том беспрепятственно, это расходилось на ветер,

ибо ум, как порох опасен только сжатый. Луч надежды, что государь император даст конституцию, как он то упомянул при открытии сейма в Варшаве, и попытка некоторых генералов освободить рабов своих еще ласкали многих. Но с 1817 г. все переменилось. Люди, видевшие худое, или желавшие лучшего, от множества шпионов принуждены стали разговаривать скрытно, и вот начало тайных обществ. Притеснение начальством заслуженных офицеров разгорячало умы. Тогда-то стали говорить военные: «Для того ли мы освободили Европу, чтобы наложить ее цепи на себя? Для того ли дали конституцию Франции, чтобы не сметь говорить о ней, и купили кровью первенство между народами, чтобы нас унижали дома?» Уничтожение нормальных школ и гонения на просвещение заставило думать, в безнадежности, о важнейших мерах. А как ропот народа, от истощения и злоупотребления ямских и гражданских властей происшедший, грозил кровавой революцией, то общества вознамерились отвратить меньшим злом большее и начать свои действия при первом удобном случае...

*Вашего Императорского Величества  
Всеподданнейший слуга  
Александр Бестужев*

